

После того как Цяо Жань ушла, Се Лаоши еще некоторое время смотрел ей вслед, погруженный в раздумья, а затем, кивнув своим мыслям, направился к покоям Чэнь Цзю.

Обычно Се Лаоши не отходил от Чэнь Цзю ни на шаг. В прошлый раз он отлучился лишь потому, что из столицы прибыли люди, и Чэнь Цзю лично распорядился, чтобы Се Лаоши их проводил. Сам же Чэнь Цзю, будучи не в духе, решил посетить ближайшую буддийскую святыню, и кто бы мог подумать, что именно там он столкнется с похищением, устроенным Цяо Жань — такова уж судьба.

Когда Се Лаоши вошел, старик Цюй как раз следил за тем, чтобы Чэнь Цзю принял лекарство. Вид у молодого господина был хуже, чем прежде: он полулежал в мягком кресле, нахмутив брови.

— Столько времени проговорили с этой барышней Цяо, — с досадой проворчал старик Цюй, не скрывая своего разочарования. — Какие там могли быть важные дела? Вы даже про время приема лекарства забыли! Это снадобье нельзя пропускать ни на один день, как же вы можете относиться к себе с такой небрежностью?

Чэнь Цзю потер переносицу и тихо ответил:

— Больше такого не повторится, прошу прощения, старик Цюй.

— Цзиньчжоу, — старик Цюй вдруг сменил тон на доверительный и серьезный, — когда с тобой случилась беда, твои родители места себе не находили. Ты же знаешь, что твое здоровье не терпит халатности, особенно сейчас, когда посторонние ни в коем случае не должны узнать о твоей связи с Чуньцю. Ты ведь понимаешь, что человек, владеющий сокровищем, навлекает на себя беду. Зачем же ты...

Чэнь Цзю опустил руку, уперся локтями в подлокотники и немного выпрямился.

— Старик Цюй, пусть я и не общаюсь с внешним миром, но за двадцать лет прочел немало мудрых книг. Я не настолько наивен, чтобы не разбираться в людях. Мое чутье меня не обманывает: барышня Цяо не причинит мне вреда. К тому же, она единственный человек, которого я могу назвать своим другом.

Увидев, что Чэнь Цзю тверд в своем решении, старик Цюй забрал пустую чашу, проверил пульс пациента и, еще немного поворчав, удалился.

Как только старик ушел, лицо Чэнь Цзю мгновенно переменилось. Вся мягкость исчезла. Он прижал ладонь к стесненной груди, глухо закашлялся и медленно откинулся на спинку кресла.

Се Лаоши подошел и с поклоном протянул ему чашку чая.

— Господину все же стоит беречь себя.

Чэнь Цзю болезненно поморщился, закрыл глаза и, растирая ладонь, спросил:

— Что удалось выяснить?

— Из столицы пришли вести, — поспешно доложил Се Лаоши. — Яо Юйцзэ, военачальник Золотой стражи, продолжает тайные поиски. Повсюду в провинции Шу расставлены столичные соглядатаи, но с тех пор, как дом Цяо постигло несчастье, никаких следов найти не удалось.

— Теперь всё встало на свои места, — мрачно проговорил Чэнь Цзю. — Дом Цяо уничтожен, но во дворце казнили еще немало людей. Яо Юйцзэ без всякой причины получил палочные удары, а в столице объявили оцепление и начали охоту на преступников. Я-то думал, что убийцы действительно скрылись, а теперь... кхе-кхе... похоже, они ищут тех, кому удалось спастись.

Се Лаоши накинул на плечи Чэнь Цзю плед и, стоя рядом, добавил:

— Дочь дома Цяо на несколько лет младше вас. В последние годы она почти не появлялась на светских приемах в столице. Все знали, что Цяо Сюци воспитывал ее в строгости, и со временем разговоры о ней утихли. Поэтому людей, видевших ее в лицо, остались единицы, а тех, кто знает ее имя, и вовсе нет.

В комнате воцарилась тишина. Чэнь Цзю открыл глаза, и в их глубине, лишенной дна, промелькнуло нечто похожее на самоиронию.

— Даже я никогда не видел дочь Цяо Сюци.

— Но вы знаете, что ее имя — Жань, — заметил Се Лаоши.

— Цяо Жань, — повторил Чэнь Цзю. Его голос, охрипший от лекарств, звучал как шепот. — Цяо Жань... и впрямь красивое имя.

Это имя словно принесло луч света в его полную невзгод и тумана жизнь. Он немного помолчал и тихо рассмеялся. Ему было суждено встретиться с Цяо Жань.

— Мне кажется, — снова заговорил Се Лаоши, — старик Цюй прав. Господин, вы слишком рискуете, доверяя барышне Цяо тайны, от которых зависит ваша жизнь.

Чэнь Цзю коснулся места на груди, где скрывался Чуныцю, и небрежно ответил:

— Человек, который дрожит и плачет перед лицом смерти, но готов пожертвовать собой ради друга — разве может у такого быть злое сердце?

Чэнь Цзю взглянул на Се Лаоши. Он видел суть Цяо Жань и потому отнесся к ней с искренностью. Она же, будучи чистой душой, ответила ему тем же, отбросив осторожность.

— Барышня Цяо собирается уезжать.

— А тот господин Цинь? Что он за человек? — раз уж он встретил здесь Цяо Жань, он должен был выяснить всё об ее окружении.

— Обычный бродяга из мира боевых искусств, — ответил Се Лаоши. — У него есть шайка таких же мелких воришек, но ничего по-настоящему злодейского за ними не числится.

— Понятно. — На Чэнь Цзю навалилась усталость. Он только недавно пришел в себя после тяжелой болезни, и долгие разговоры отнимали последние силы. — Раз уж мы удерживали господина Циня в усадьбе, проверь, благополучно ли его сообщники покинули Шу. Если он и барышня Цяо не смогут их найти, помоги им втайне.

Се Лаоши замер и снова посмотрел на Чэнь Цзю. В усталом взгляде господина скрывалась острая сталь. Получив короткий кивок, Се Лаоши поклонился.

— Слушаюсь. Отдыхайте, господин.

Чэнь Цзю вновь погрузился в забытие. В его снах не было времени: он снова был в большом столичном доме, окруженный склянками с отварами. Мать днями напролет проливала слезы, отец тяжело вздыхал. В этой гнетущей атмосфере он слишком рано осознал, что такое жизнь и смерть.

Его отец занимал пост премьер-министра, у него было бесчисленное множество сторонников. Каждый день передний двор был полон чиновников и ученых, приходивших с визитами. Среди них были и добрые люди, и подлецы, а порой глубокой ночью наведывались и тайные гости. Столица была огромной, пугающей сетью, под которой скрывались люди в масках — странники ночи, чьих имен и лиц никто не знал, чье прошлое и будущее было окутано мраком.

Дом Цяо стал свидетелем того, как безмолвная борьба уносит жизни под покровом этой сети. А вслед за падением дома Цяо надвигалась буря.

Чэнь Цзю очнулся только через два дня. Когда он открыл глаза, рядом сидел старик Цюй и вводил иглы в обнаженную руку Чэнь Цзиньчжоу.

— Господин очнулся?

Чэнь Цзю попытался сфокусировать взгляд, но перед глазами всё плыло, и он снова закрыл веки.

— Господин, вы что, ничего не видите? — встревоженно спросил старик Цюй, нахмутив брови.

Чэнь Цзю уже привык к этому.

— Да, зрение пропало.

— Эх, — вздохнул старик, понутив голову. — Это был тяжелый удар. Прежние укрепляющие рецепты больше не действуют, пришлось вернуться к старому, поддерживающему жизнь составу. Господину придется потерпеть некоторое время. Но всё наладится.

— М-м. — Грудь Чэнь Цзю мерно вздымалась. За долгие годы он научился принимать удары судьбы. Подумаешь, стал полуслепым. Он похлопал старика по руке и тихо сказал: — Со мной всё в порядке. По крайней мере, я всё еще слышу.

Старик Цюй медленно вытащил иглы и, не переставая, давал наставления:

— Если вдруг пропадет и слух, обязательно скажите тем, кто за вами присматривает. Ни в коем случае не ходите сами, чтобы не пораниться.

Чэнь Цзю тяжело вздохнул.

— Я знаю.

Старик Цюй продолжал ворчать:

— Кто бы мог подумать, что действие лекарства так изменится? Сколько лет вы его принимали, сколько горя хлебнули... Почему же Небеса так немилосердны?

Заставлять его господина день за днем терпеть такие муки — то слепота, то глухота, а то и всё вместе — если бы не стальная воля, он бы давно сломался. Старик Цюй, уже немолодой, от этих мыслей расчувствовался и принялся вытирать слезы рукавом. Чэнь Цзю не видел его, но прекрасно слышал каждое движение и, беспомощно вздохнув, попытался успокоить его:

— Старик Цюй, Цзиньчжоу правда в порядке.

— Если бы господин и госпожа увидели вас сейчас, как бы разрывалось их сердце...

Чэнь Цзю:

— ...Старик Цюй, вы тоже устали. Идите отдохните.

Старик Цюй вытер слезы, бормоча под нос о горькой судьбе господина и о том, что у того должно быть много скрытого везения, и вышел. Когда шум стих, стало так тихо, что Чэнь Цзю начал слышать стук собственного сердца — слабый, но неустанный. Вместе с теплом, которое источал Чуныцю, это было единственным напоминанием о том, что он жив.

— Времени осталось совсем мало, — прошептал про себя Чэнь Цзю. — Я скоро умру.